

DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-80-97

Г.А. Маслов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

ИСТОКИ НООПЕРЕХОДА: ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КИТАЯ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Аннотация: статья посвящена исследованию социально-экономической модернизации Китая конца XX-начала XXI вв., неразрывно связанной с проведением реформ, начавшихся в 1978 г. Рассматриваемый временной промежуток охватывает три этапа, и завершается в конце 2000-х годов, когда Поднебесной в целом удалось решить поставленные Коммунистической партией задачи комплексной индустриализации, формирования основ «социалистической рыночной экономики», укрепления позиций на мировом рынке, перехода в категорию стран со средним уровнем развития. Отмечаются постепенность и последовательность проведенных реформ, открытость к изучению мирового опыта, отказ от теоретического догматизма и практико-ориентированный исследовательский подход, что способствовало достижению рекордных темпов экономического роста, хотя и с последствиями в виде ряда социальных проблем (таких, как рост неравенства, экологической нагрузки и др.). В качестве основных экономико-политических механизмов модернизационного проекта стоит выделить сбалансированное применение инструментов государственного планирования, селективного регулирования, а также построение институциональной среды с особой ролью неформальных институтов (особенно это касается опоры на морально-нравственные принципы конфуцианства). Показано, что данный опыт при всей своей исторической специфике может быть востребован и в наше время для решения задач догоняющего развития. Идеолого-теоретическая основа реформ пересекается с современными концепциями, развиваемыми в России и, в частности, с положениями теории ноономики. Это касается прежде всего принципов социализации общественных отношений, диффузии собственности, а также отхода от западноцентричной модели индивидуализма.

Ключевые слова: социализм с китайской спецификой, социалистическая рыночная экономика, государственное планирование, селективное регулирование, индустриализация, общество средней зажиточности, конфуцианство, ноономика

Для цитирования: Маслов Г.А. (2026). Истоки нооперехода: опыт социально-экономической модернизации Китая конца XX – начала XXI вв. // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. Т. 5, № 3. С. 80–97. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-80-97

Gleb A. Maslov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

THE ORIGINS OF NOOTRANSITION: THE EXPERIENCE OF SOCIO-ECONOMIC MODERNIZATION IN CHINA IN THE LATE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES

Abstract: The paper examines the socio-economic modernization of China in the late 20th and early 21st centuries, which is inextricably linked to the reforms initiated in 1978. The period under consideration spans three stages and concludes in the late 2000s, when the country largely succeeded in achieving the comprehensive industrialization goals set by the Communist Party, establishing the foundations of a “socialist market economy”, strengthening its position in the global market, and transitioning into the category of middle-income countries. The reforms are characterized by gradualism and consistency, openness to studying international experience, a rejection of theoretical dogmatism, and a practice-oriented research approach, which together fostered record rates of economic growth, albeit accompanied by several social issues (such as rising inequality, increasing environmental pressure, etc.). The principal economic and political mechanisms of the modernization project include the balanced application of state planning instruments, selective regulation, and the construction of an institutional environment where informal institutions play a special role (notably reliance on the moral and ethical principles of Confucianism). It is demonstrated that, despite its historical specificity, this experience remains highly relevant today for addressing the challenges of catch-up development. The ideological and theoretical foundation of the reforms intersects with contemporary concepts developed in Russia, in particular with the tenets of noonomy theory. This convergence relates primarily to the principles of socializing public relations, the diffusion of property ownership, and a shift away from the Western-centric model of individualism.

Keywords: socialism with Chinese characteristics, socialist market economy, state planning, selective regulation, industrialization, moderately prosperous society, Confucianism, noonomy.

For citation: Maslov G. A. (2026). The Origins of Nootransition: The Experience of Socio-Economic Modernization in China in the Late 20th – Early 21st Centuries. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*, Vol. 5, No. 3, pp. 80–97. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-80-97

马斯洛夫G. A.

莫斯科大学(俄罗斯, 莫斯科)

智慧型转型的源头:20世纪末至21世纪初中国社会经济现代化的经验

摘要: 本文的研究课题是20世纪末至21世纪初中国的社会经济现代化进程。这一进程开始于1978年启动的改革。所考察的时间段涵盖三个阶段,截止到21世纪初。此时,中国总体上已成功完成了中国共产党提出的全面工业化、建立社会主义市场经济基础、巩固国际市场地位,以及跻身中等收入国家

关键词:具有中国特色的社会主义、社会主义市场经济、国家计划、选择性监管、工业化、中等富裕社会、儒家思想、智慧型经济。

引用注释: 马斯洛夫G. A. (2026). 智慧型转型的源头:20世纪末至21世纪初中国社会经济现代化的经验//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 5, No. 3, pp. 80-97. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-80-97

Современный мир переживает интенсификацию трансформационных процессов на различных уровнях. Это касается, в том числе, изменений в расстановке сил, международной специализации, движении цепочек товаров на глобальном рынке, что выливается в обострение конфликтов, рост протекционизма и геополитическую напряженность. Во многом связанным с этим процессом является технологический переход, состоящий в стремлении ведущих стран быстрее конкурентов освоить и внедрить в производство новые технологии, относящиеся к четвертой промышленной революции, шестому технологическому укладу. Однако и менее развитые страны оказываются в водовороте данных трансформационных процессов, что дополнительно актуализирует проблему формирования новых программ развития, нацеленных на реализацию комплексной модернизации хозяйственной системы.

В рамках данного материала будет рассмотрен опыт китайской модернизации конца XX – начала XXI вв. В течение этого периода Поднебесная осуществила мощный модернизационный рывок, обеспечив рекордные темпы экономического роста (с 1980 по 1989 гг. средний темп роста ВВП составил 9,69 %, с 1990-го по 1999-й – 10,01 %, с 2000-го по 2009-й – 10,36 %¹), став ведущей индустриальной державой и глубоко интегрировавшись в мировой рынок. Условия реализации модернизационного проекта в Китае были весьма специфичны. Тем не менее, изучение данного опыта представляется очень востребованным и в наше время для развивающихся и среднеразвитых стран как с теоретической, так и практической точек зрения, поскольку он затрагивает множество аспектов трансформационного перехода экономической системы. В частности, иллюстрируется эволюция принципов государственного вмешательства в экономику, развитие межотраслевых связей, различное соотношение плана и рынка, специфическая роль идеологических, институциональных факторов. Подобный перечень можно продолжать. Кроме того, при изучении развития современного

¹ По данным Всемирного банка: <https://www.worldbank.org/>. Вместе с тем нужно отметить, что по мере «орыночничивания» экономики и ранее существовавшее производство становится «виднее» при расчете ВВП, что фактически может несколько завышать показатели реального роста.

Китая, которое в наши дни, безусловно, востребовано, важно обращаться к опыту Поднебесной конца XX – начала XXI вв., так как именно в это время были заложены основные принципы государственного управления экономикой.

Идеолого-теоретические основы китайских реформ

Начало реформ в конце 1970-х гг. было обусловлено множеством как объективных, так и субъективных факторов. После Второй мировой войны, нового кульминационного витка Гражданской войны, завершившейся провозглашением Китайской народной республики в 1949 г., материальное положение страны находилось на крайне низком уровне, Китай был одной из беднейших стран мира. Ставя задачи перехода на качественно новый этап развития, руководство Китая во главе с Мао Цзэдуном значительным образом вдохновлялось советским опытом индустриализации с «опорой на собственные силы» со значительной степенью изоляции от внешнего мира. Начали создаваться новые отрасли тяжелой промышленности. При ряде достижений в ходе курса на индустриализацию, например, таких как успешное испытание водородной бомбы в 1967 г., запуск спутника в 1970 г., введение первых мер социальной поддержки из общественных фондов потребления (хотя носивших очень ограниченный объем и затрагивавших узкую прослойку населения), модернизационный проект не удалось осуществить в сбалансированном виде. Впоследствии получившие свою характеристику в самом Китае как «левацкие перегибы», осуществленные в ходе политик «большого скачка» и культурной революции, привели к массовому голоду, высоким показателям экстремальной бедности, подрыву экономического и научного потенциала страны. В наиболее тяжелом положении оказалась деревня при доле сельского населения в стране на уровне около 85 % [Ху Аньган, 2005, с. 52]. Явным образом назрела потребность в изменении экономико-политического курса.

Низкий изначальный уровень жизни населения, с одной стороны, давал простор для решительного претворения реформ в жизнь (образно говоря, нечего терять). С другой стороны, руководство страны опасалось стремительного внедрения рыночных отношений из-за рисков политической турбулентности. Это предопределило плавность, растянутость реформ во времени. Важно также отметить принадлежность Дэна Сяопина к поколению революционеров, что, как показывает мировая история, является фактором, сдерживающим радикализм политических изменений. Коммунистическая партия Китая еще в трудные для себя и для страны в целом 1930-е годы, будучи изолированной от крупных городов (с минимальной возможностью влияния на крайне малочисленный рабочий класс), находила свою социальную опору в первую очередь не на классовой основе, а в широкой «национально-освободительной» консолидации страны, общенациональной мобилизации [Виноградов, 2010]. Назревшие идеологические и экономические меры не вступали в противоречие с идеями сильного государственного патернализма. Более того, отмечается имперский характер модернизации Китая с заимствованием ряда институциональных форм из прошлых столетий своей истории [Jiang, 2023]. Политически яркое звучание приобрели выдвинутые партией «четыре принципа»: сохранение приверженности социалистическому пути, руководящая роль КПК, марксизм-ленинизм (с декларированием положения о диктатуре пролетариата), идеи Мао Цзэдуна (при критике его отдельных подходов и политических практик) [Виноградов, 2010].

Акцент в марксизме делался на историческом материализме, соотношении производительных сил и производственных отношений, определяющим степень обобществления

производства, а также на принципе «практика – критерий истины». Это стало основанием нового подхода экономического прагматизма, развиваемого Дэном Сяопином, отказа от удерживания себя в рамках каких-либо жестких теоретических схем в пользу практико-ориентированного подхода в экономической мысли [Виноградов, 2008]. При сохранении принципа «опоры на собственные силы» и уважительному обращению к разным вехам собственной истории быстро развивалось изучение зарубежного опыта: от практик СССР, традиционно служившего ориентиром для Китая до опыта Восточной Европы и капиталистических восточноазиатских стран. Обосновывалась необходимость собственного пути развития в силу невозможности воспроизвести модернизационный проект западного образца и, в том числе, ограниченность как неолиберализма, так и позднесоветской модели [Борох, Ломанов, 2024].

Главным же поворотным моментом в идеолого-теоретической базе реформ можно назвать иную трактовку социалистического пути развития. Сущностным критерием социализма стало выделение развития производительных сил, подъем уровня жизни населения. Основной задачей государства в период реформ становится переход к обществу средней зажиточности (сяокан). Планирование и рынок в результате понимаются не как сущностные характеристики экономической системы, а лишь как инструменты экономической политики, которые могут действовать в разных системах. Как писал Дэн Сяопин, «преобладание плана или рынка не являются сущностными критериями разграничения капитализма и социализма. Плановая экономика не тождественна социализму, при капитализме также имеется планирование; рыночная экономика не тождественна капитализму, при социализме также есть рынок. План и рынок — все это экономические меры (Цит. по [Кафырин, 2012, с. 69])». Этот подход заложил основу для последующей оценки китайской модели как социалистической, и, соответственно, модернизация также характеризуется как социалистическая [Losurdo, 2017; Jian, 2025]. Критерием социализма в данном случае выделяется политическая власть Коммунистической партии, направляющей функционирование разнообразных форм экономических отношений в интересах всего населения. В 1979 г. Дэном Сяопином было сформулировано понятие «модернизация китайского типа», в 1982 г. «строительство социализма с китайской спецификой». При этом отмечалось, что в ходе данного строительства предстоит пройти длинный путь (продолжительностью до 100 лет), поскольку требуется еще много времени для достижения достаточно высокого уровня развития производительных сил [Феоктистов, Цыплаков, 2008; Борох, Ломанов, 2024].

Одним из столпов «китайской специфики» в данной модели явилось постепенное возрождение древнекитайских культурных традиций, что впоследствии стало важной институциональной частью проводимых реформ¹. Помимо философско-религиозных истоков в даосизме и буддизме особое место заняло конфуцианство, в годы культурной революции получавшее ярлык «феодалного хлама». В противовес западному индивидуализму Китай выражал собой общество, основанное на коллективистском мышлении с упором на чувстве долга, взаимной ответственности, гармоничном и доверительном отношении между людьми. Как и в других восточноазиатских странах, осуществивших модернизационный рывок, население демонстрировало высокий уровень трудоголизма, старательности, хо-

¹ Стоит отметить, что национальная консолидация, как составляющая модернизационного проекта, проявила себя и в значительном деятельном соучастии китайской зарубежной диаспоры в проводимых государством проектах.

зяйственности. В рамках конфуцианской философии культ семейственности с почитанием старших отразился и в мощном государственном патернализме с приоритетностью интересов государства. Вместе с тем на чиновничество накладывается обязательство следования высоким моральным нормам, заботы о населении как о собственных детях. Конфуцианство также исторически задает рамки меритократии, почтения к образованности, высокой квалификации государственных служащих с предварительным жестким отбором на руководящие посты [Орехов, Решетнева, 2004; Буров, 2011]. Нужно отметить, что апелляции к добродетелям, моральным нормам по своему характеру связаны с построением неформальных связей внутри общества. При всех издержках недостатка формальных правил, данные неформальные отношения позволяли закрывать «управленческие дыры», особенно на местах, которые возникали вследствие пусть и постепенных, но значительных политических изменений в условиях огромной страны. Таким образом, возрождение культурных традиций послужило становлению формальных и неформальных институтов, сочетавшихся с провозглашаемыми принципами марксизма, национального возрождения и практикой экономических реформ. В Китае, возможно, как ни в какой другой крупной стране, данные факторы, лежащие вне непосредственно экономического базиса, оказали существенное влияние на реализацию модернизационного проекта.

В настоящее время при осуществлении модернизационного проекта в других отстающих странах важнейшими шагами так же является формирование прочных идеолого-теоретических основ реформ вместе с построением институционального «скелета», поскольку в противном случае даже грамотно составленная на бумаге программа социально-экономических преобразований рискует провалиться в своей реализации. Большой практический потенциал в данном случае приобретает политическая экономия. Она предполагает комплексный подход, позволяющий раскрыть сложный характер взаимосвязей на разных уровнях экономической системы и, что особенно важно в периоды глобальных трансформаций, прослеживает историческую логику развития социально-экономических процессов (последний аспект, прежде всего, относится к марксистскому историческому материализму, диалектике производительных сил и производственных отношений).

Стоит отдельно выделить подход современного исследователя С.Д. Бодрунова, автора теории ноономики, где в развитие данного марксистского подхода выражается ведущая трансформационная роль материального фактора научно-технического прогресса [Бодрунов, 2024]. В данном случае имеет место тесное пересечение с идеолого-теоретической базой китайских реформ, где отправной точкой так же стало выделение марксистской связи производительных сил и производственных отношений, во многом определяющей специфический набор экономико-политических мер в конкретных исторических условиях. Кроме того, в рамках теории ноономики показана логика социализации общественных отношений, диффузии форм собственности как объективное следствие развития системы производства. Хотя китайские реформы претворялись в жизнь в условиях изначально довольно отсталой технологической базы, ход их развития явил миру образ будущего в виде интегральной модели, в котором сбалансированы плановые и рыночные начала, различные формы собственности, и которая содержит в себе потенциал осуществления динамичного нооперехода. Наконец, следует сказать о ноо-критериях разумности и гармоничности развития, где человек выступает не «эгоистичным» индивидуумом, замкнутым на максимизации личного материального потребления, а частью общности, формирующей более ши-

рокий набор целей. Эти критерии близки к указанным конфуцианским принципам, и, как показал рассмотренный китайский опыт, они не являются абстрактными и оторванными от практики «надстроечными» элементами, а способны быть прочными институциональными факторами, прямо влияющими на эффективность экономического воспроизводства.

Основные этапы реализации модернизационного проекта

Первый этап реформ, как правило, относят к 1978-1984 гг. [Гельбрас, 2009; Кафырин, 2012]. В этот период государство поставило цель окончательно ликвидировать отголоски культурной революции и, что естественно в условиях отраслевого доминирования сельского хозяйства, начать реформы с аграрного сектора. Был осуществлен роспуск коммун, при сохранении государственной собственности крестьяне получили возможность распоряжаться своими земельными участками, стал создаваться товарный рынок сельхозпродукции. Институциональной основой производства стали семейный подряд и поселково-волостные предприятия с коллективными отношениями собственности, включающие, в том числе, взносы населения в «общую кассу», деревенские управленческие комитеты. Государство стимулировало развитие села повышением закупочных цен, поддержкой процессов специализации и механизации села, становлению смежных с сельским хозяйством производств. В результате поселково-волостные предприятия быстро стали ключевым звеном национальной экономики (к началу 1990-х годов они обеспечивали 40 % всего объема промышленного производства и экспорта Китая, не говоря о ведущей роли кормилицы страны продуктами питания) [Круглова, 2020]. В городе же начали осуществляться лишь первые эксперименты по расширению самостоятельности и самоуправлению госпредприятий, а также созданию специальных экономических зон.

Важнейшей составляющей начального этапа реформ стала децентрализация бюджетной сферы, рост полномочий региональных властей при следовании общенациональным рамкам развития в рамках пятилетних планов (после паузы в первые годы реформ они были восстановлены с 1981 г.). Субсидии из центра направлялись на главные инфраструктурные проекты и покрытие дефицитов региональных бюджетов (при контроле обоснованности их возникновения). Вместе с тем еще не сформировались четкие регламенты сборов и исполнения бюджетов. Большим положительным эффектом децентрализации бюджетной политики стал рост оперативности управления и стимулов развития на местах с учетом региональной специфики. Однако возникли и новые проблемы, связанные со снижением поступлений в федеральный бюджет, а также межрегиональной борьбой за «выбивание» дополнительных ресурсов из центра в условиях недостатка законодательной основы, строгих принципов распределения средств [Кадочников, 2016]. При этом стоит отметить, что даже при маоистской модели сверхцентрализма в силу больших масштабов страны и национальной управленческой специфики де-факто заметные властные полномочия долго оставались на местах. Кроме того, оказался растянутым процесс огосударствления производства. Тем самым институты регионального управления сохранили свои традиции, их не пришлось создавать с нуля. Как отмечалось выше, реализация программы реформ носила постепенный характер, многие меры растягивались во времени и масштабировались после апробации в отдельных пространствах экономической системы. Госкомитет по структурным экономическим реформам возник в 1982 г., лишь со временем получив полномочия, соответствующие уровню министерства [Чубаров, 2024].

Второй этап (1984 – 1991 гг.) характеризуется ускорением внедрения реформ, прежде всего, в городе. В то же время они по-прежнему носили постепенный характер. Лозунгом этого времени стал принцип «план – главное, рынок – вспомогательное» [Гельбрас, 2009]. Госплан, который объединили с Государственным комитетом по экономике, все больше занимался индикативным планированием с макроэкономическим регулированием, и, соответственно, меньше директивным. Так, в 1984 г. 80 % промышленной продукции создавалось в рамках директивного планирования, а в 1992 г. этот показатель уменьшился до 16 % [Реформы, 2000, с. 13-14]. По сравнению с предыдущим периодом государство больше переключилось на развитие промышленности и урбанизации. Помимо изменений в направлении финансовых ресурсов, это проявлялось в ослаблении ограничений миграции из деревни в город.

Постепенно происходили либерализация цен, сокращение общественных фондов потребления с переходом к большей самостоятельности предприятий и передачей их в частные руки. Реформы начались с возможности продавать сверхплановую продукцию на рынке со все большим переходом на принципы самофинансирования (при этом в крупной промышленности такие меры вводились позже, чем в мелкой и средней), самостоятельно распоряжаться премиальными фондами. Параллельно с этим формировались различные пространства с точки зрения правил ценообразования. В одних сегментах цены по-прежнему устанавливались директивно, в других, при закреплении «исходной» цены, допускалось ее изменение вследствие колебаний спроса и предложения в рамках определенного коридора (около 20 %), в-третьих, формировалось свободное рыночное ценообразование. Большой государственный контроль над ценами сохранялся в социально-значимых областях, а также в ресурсных секторах с целью сдерживания роста издержек и инфляции предложения.

Таким образом, рынок стал проникать в хозяйственную жизнь Китая очень «дозированно» и при взаимном согласовании изменений на разных уровнях экономической системы. Такая же осмотрительность проявлялась и при начале разгосударствления собственности с целью повышения эффективности управления предприятиями. Опасаясь неэффективности контроля над производством частным собственником в развивающемся рынке, государство предварительно «подготавливало» предприятие. В частности, проводилось размещение акций для привлечения дополнительных денежных ресурсов при продолжительном сохранении государством контрольного пакета акций, осуществлялось техническое обновление производства, развивались институциональные инструменты интеграции предприятия в рынок и пр. Тем самым процесс разгосударствления экономики шел плавно путем постепенной передачи фактических полномочий управляющим предприятиями при одновременной их модернизации и возвращении новых ниш функционирования [Федоровский, 2003; Пивоварова, 2011].

Более быстро осуществлялись проекты по созданию специальных экономических зон в прибрежных районах с привлечением иностранного капитала. Тем самым закладывался большой экспортный потенциал страны через морскую торговлю, а также реализовывалась политика по выделению регионов-локомотивов национальной экономики в силу невозможности обеспечения высокой динамики развития повсеместно. В целом укреплялись связи с зарубежными контрагентами с изучением международного опыта ведения хозяйственной деятельности.

В данный период реформ государство активно наращивало бюджетные расходы, стимулируя развитие промышленности, быстро увеличивая денежную массу в условиях изначально очень низкой степени монетизации экономики. Поскольку уже происходила либерализация цен, рост объема денег не приводил к товарному дефициту, как это было в СССР. Возникла обратная проблема, характерная уже для рыночных экономик, – рост инфляции. Это иногда приводило к отклонениям от устойчивого роста¹, к вызовам политической системе, однако в целом государству удавалось предотвращать крупные макроэкономические дисбалансы путем временного внедрения мер по охлаждению экономики. Кроме того, доверие населения к денежной политике и возможность откладывать средства на покупку товаров длительного пользования (тем самым сдерживался перегрев со стороны текущего спроса) дали дополнительный положительный эффект. Можно говорить об одновременном стимулировании и спроса и предложения, однако основной упор, безусловно, делался на втором. К числу конкретных механизмов относились девальвация юаня для поддержки экспорта, стимулирование как бюджетными, так и кредитно-денежными инструментами (прежде всего дешевые целевые кредиты) инвестиций, что привело к стабильно высокой и со временем растущей норме накопления (в 1986 – 2000-е годы доля инвестиций в ВВП составляла более 30 %, в 2003-м – 48 %, в 2007-м – 55 % [Гельбрас, 2009, с. 77]).

1990-е годы ознаменовались существенным ускорением либерализации экономики с продолжением интенсификации развития промышленности. Поворотным моментом можно назвать 1992 г. с провозглашением Цзян Цзэминем лозунга о становлении «социалистической рыночной экономики». Усилилась экспортная ориентация, интенсифицировались потоки зарубежных инвестиций, внутренней миграции при более гибком рынке труда. Официальная теоретическая установка состояла в соединении опыта капитализма и социализма (преимущественно советского типа) с выдвижением основного критерия успешности государственной политики в виде «трех полезностей» – развитие производительных сил, укрепление мощи государства, повышение уровня жизни населения. Подчеркивался приоритет развития гибкой и практико-ориентированной экономической мысли. Как видно, классовые аспекты марксистского учения в рамках официального дискурса не выделялись. При этом стали озвучиваться новые тезисы о важности построения гармоничного общества, поддержки занятости, деревни, развития соцподдержки [Пивоварова, 2011].

Одним из ключевых направлений либерализации стала трансформация институтов собственности, планирования и налогообложения. Работа подразделений бывшего Госплана, ранее объединенного с Государственным комитетом по экономике, ограничивалась разработкой средне- и долгосрочных планов социально-экономического развития, а также согласованием строительства крупных инфраструктурных объектов, в то время как подразделения Госэконома отвечали за выполнение и корректировку ежегодных показателей, контролировали реализацию утвержденных проектов. Продолжало снижаться значение прежнего «штаба реформ» – Госкомитета по структурным экономическим реформам. Вместе с существенным сокращением штата он был преобразован в консультативный орган, осуществляющий исследовательские функции [Чубаров, 2024]. В целом директивное планирование стало утрачивать свое значение, в то время как расширялись механизмы ин-

¹ Так, в 1989 г. рост ВВП составил скромные по китайским меркам 4,2 %, в 1990-м году 3,94 %. По данным Всемирного банка: <https://www.worldbank.org/>.

дикативного планирования и макрорегулирования. В том числе в 1994 г. кардинальным образом были сокращены практики директивного планирования внешней торговли.

Как было отмечено выше, процесс передачи предприятий в частные руки происходил постепенно с осуществлением предварительных «подготовительных мероприятий», распространённым практикам акционирования. С 1978-го по 1998-й гг. доля частного сектора в ВВП выросла с 0,9 % до 25 %. В течение периода реформ (включая 2000-е годы) государство сохранило за собой почти полный контроль в стратегически важных отраслях: транспорте, энергетике, химической промышленности, металлургии. Земля всегда оставалась в руках государства. Более половины производств с государственной собственностью сохранилось в строительстве и машиностроении. Разнообразные формы государственного контроля преимущественно сохранились и в банковской сфере. Следует при этом отметить, что только в 1999 г. в Конституцию были внесены поправки о том, что частный сектор также является «важной частью социалистической рыночной экономики» [Реформы, 2000, с. 13]. В 1994 г. активизировалась приватизация поселково-волостных предприятий. Был полностью легализован рынок ценных бумаг, активно формировался частный сектор в сфере услуг (гостиницы, рестораны и пр.). По мере развития разгосударствления производства актуализировалась проблема собираемости налогов, что стало предпосылкой унификации налоговых режимов, проведения налоговой реформы в 1994 г. Стоит также отметить, что в рамках этой реформы с целью сглаживания регионального неравенства по мере развития рынка примерно в полтора раза выросло соотношение федерального и регионального бюджетов в пользу первого [Кадочников, 2016, с. 116].

Продолжался курс на плавную по времени, но качественно радикальную либерализацию цен. Если в 1992 г. около половины цен в той или иной степени контролировались государством (с сохранением института карточной системы), то к концу века цена более 90 % товаров определялась рыночным образом (при сохранении косвенного регулирования через дифференцированные ставки налогообложения, субсидий, пошлин и пр.) [Реформы, с. 13]. С 1995 г. значительно большую свободу получил банковский сектор, хотя государство по-прежнему ограничивало его функционал, стимулируя приток дешёвых денег в материальное производство, а также предотвращая спекулятивные операции. Частично сохранялись нормы бесприбыльного кредитования для отстающих регионов и отраслей. С одной стороны, это служило решению ключевой задачи большого роста масштабных инвестиционных проектов в реальном секторе. С другой стороны, это лишало банки гибкости и привело к долговым проблемам в конце 1990-х (хотя в целом Китай в относительно малой степени пострадал от Азиатского экономического кризиса в этот период) [Федоровский, 2003].

В начале 2000-х гг. по мере усиления коммерциализации и либерализации китайское общество столкнулось со своего рода идеологическим тупиком, возникла потребность в формулировке новой парадигмы развития страны. Ответом стали провозглашение Цзян Цзэминем роли Коммунистической партии как, с одной стороны, авангарда рабочего класса, так и, с другой стороны, консолидирующей силы всего китайского общества. Последний аспект отразился, в частности, в появлении возможности вступления бизнесменам в Компартию. В 2002 г. в качестве шага по укреплению консолидирующей институциональной роли Компартии были формализованы новые меры по внедрению механизмов преемственности политического курса, установлены ограничения на сроки пребывания у власти [Виноградов, 2010]. Вновь был выделен акцент на построении общества средней зажиточности

как ключевой задачи развития. Вместе с тем новым стало значительно большее внимание на развитии социальной сферы, науки, культуры, необходимости перехода на более высокотехнологичную модель воспроизводства [Феоктистов, Цыплаков, 2008]. В 2004 г. данный подход усилил Ху Цзиньтао, выдвинув тезис о гармоничном планировании, ориентированным на всестороннее развитие человека, что выходит за пределы сугубо экономического целеполагания.

В рамках этой новой парадигмы были осуществлены, хотя еще и в довольно ограниченном виде, программы по поддержке занятости, развитию социальной сферы (особенно в здравоохранении), пенсионной системы, инфраструктуры сельской местности, начинавшей все больше экономически отставать от городов, финансовой помощи наиболее бедным слоям населения. В 2006 г. стало бесплатным школьное образование в деревне (в городе оно было в целом обеспечено к началу 1990-х). При этом продолжались процессы либерализации и приватизации. К 2008-му году уже две трети ВВП создавалось вне государственных форм собственности [Феоктистов, Цыплаков, 2008]. В 2003 г. были упразднены Госкомитет по экономике и Госкомитет по структурным экономическим реформам, на место которых пришел поныне существующий единый орган - Государственный комитет по реформам и развитию. Он стал осуществлять согласование ключевых инвестиционных проектов с выбором приоритетных отраслей развития. В рамках процесса либерализации экономики государство делало особый акцент на развитии институтов рынка, обеспечивающих прозрачность и предсказуемость «правил игры» для бизнеса. Касательно бюджетной политики стоит отметить снижение налогов, мешающих расширению спроса на конечную продукцию. Власти стремились поддерживать в целом сбалансированный консолидированный бюджет, идя на значительный дефицит лишь при реализации отдельных ключевых инвестпроектов. В качестве основы работал подход двойного бюджетирования (на текущие и капитальные расходы). При несколько возросшем удельном весе региональных бюджетов по-прежнему сохранялась большая зависимость многих более бедных регионов от федеральных трансфертов [Кадочников, 2016].

В начале 2000-х гг. индустриализация Китая привела к меньшей занятости населения в сельском хозяйстве, чем суммарно в промышленности и сфере услуг [Ху Аньган, 2005, с. 40]. Страна все больше закреплялась в статусе мирового «заводского цеха» с высокой нормой накопления. Дешевая рабочая сила, доступный кредит, активные государственные вложения в инфраструктуру (особенно в транспортную) и поддержка дешевого юаня делали китайские товары очень конкурентоспособными на мировой арене. Поднебесная становилась лидером в накопленных валютных резервах, что, во-первых, выступало инструментом девальвации национальной валюты и, во-вторых, ресурсом для последующих собственных внешних инвестиций, прежде всего, в бедные страны. Однако общий курс на открытость экономики при всей его стремительности (так, в 1978 г. внешнеторговый оборот Китая составлял всего 13 % ВВП, в 2003 г. уже 60 %, в 2007 г. – 67 %) [Ху Аньган, 2005, с. 40; Гельбрас, 2009, с. 77] не был тотальным и «догматичным», а предполагал возможность контрмер. Например, в 2001 г. при вступлении в ВТО Китай добился пятилетней отсрочки допуска внешних инвестиций в ряд секторов, таких как финансы, телекоммуникации, оптовая торговля, грузовые перевозки, туризм [Федоровский, 2003].

Вместе с тем Китай начал постепенно осуществлять политику по повышению наукоемкости собственной продукции, в первую очередь в отрасли информационных техноло-

гий, электронике (особенно на рынке мобильных телефонов) и средствах транспорта. Еще в 1990-е годы Китай, создавая благоприятные условия для иностранных ТНК (свободный доступ на рынок, низкое налогообложение), взамен требовал частичную передачу технологий и производственного опыта, участие в качестве субподрядчиков местных производителей. Как и в других восточноазиатских странах, осуществивших крупные модернизационные проекты, концентрация технологий осуществлялась в крупных компаниях, в случае Китая еще больше тесно связанных с государством. Переход от политики заимствования технологий к собственным разработкам протекал через разнообразные механизмы государственного планирования, которое предполагало особую бюджетную и кредитно-денежную поддержку ключевых отраслей, построение инновационной среды путем сращивания образовательной, исследовательской и производственной сфер¹. Происходил постепенный рост расходов на науку, прежде всего прикладную (однако впоследствии стали формироваться и собственные школы в фундаментальной науке, особенно в естественных дисциплинах), в целом на развитие человеческого потенциала [Порунов, 2006; Колганов, 2023]. Вместе с тем, большая роль государства в этой сфере не противоречила общему курсу на либерализацию экономики, который был отмечен выше.

В результате, к концу 2000-х годов Китай еще оставался страной с низкой производительностью труда относительно передовых стран и экстенсивной моделью экономического роста, большой зависимостью от зарубежных технологий при недостатке собственных разработок и в целом исследовательского потенциала, высокой степени неравенства в наличии технологической базы (в том числе в результате высокой степени монополизации экономики). Однако, в этот период были заложены основы последующего ускорения научно-технологического развития, наблюдаемого и в наши дни.

Выводы

Рассмотренный период включил в себя первые этапы модернизации Китая, которые, согласно в 1996 г. принятому плану, должны были стать первым этапом долгосрочной (до 2050 г.) программы социально-экономического развития страны. Он изначально был рассчитан до 2010 г., к которому предполагалось осуществить глубокую индустриализацию, сформировать основу «социалистической рыночной экономики», плотно интегрироваться в мировой рынок, перейти в категорию стран со средним уровнем развития. Тем самым модернизация решала триединую задачу трансформации: от аграрного хозяйства к индустриальному, от плановой экономики к рыночной, от внешней замкнутости к открытости. Поднебесной удалось достичь этих масштабных целей, показав миру рекордные темпы роста на протяжении долгого периода и пример пути к рынку на отличной от неолиберализма и принципов Вашингтонского консенсуса основе, по которому, в том числе, с учетом своих национальных особенностей, могла пойти и Россия, избежав больших трансформационных потерь [Островский, 2007]. В настоящей статье этот период был взят за рассмотрение, поскольку включает в себя «полный цикл» осуществления качественно-го модернизационного скачка. Хотя изначальные условия и цели имеют свою специфи-

¹ В качестве яркого примера можно привести прибрежную свободную экономическую зону в Шэньчжэне, которая была создана еще в 1980 году. Впоследствии внутри нее «выросли» университет, научно-промышленный парк, фондовая биржа, что превратило к настоящему моменту бывшую рыбацкую деревню в крупный технологический и финансовый центр с мировым статусом.

ку, важно рассмотреть данный опыт и применительно к поиску ответов на современные вызовы.

Исходными предпосылками быстрой динамики развития касательно Китая можно назвать следующие универсальные факторы подобного типа модернизации, выделяемые А. Гершенкроном: эффект низкой базы, возможности быстрого перетока ресурсов в промышленность, преимущества от включения в мировую торговлю на основе экспортоориентированной модели, стремительное распространение новой техники вследствие возможности заимствования технологических решений у более развитых стран [Gershenkron, 1962]. Последний аспект в условиях открытости экономики особенно тесно связан и с моделью «летающих гусей», которая также качественно описывает механизмы подъема Китая [Ozawa, 1993]. Очень важным стал также демографический фактор: на момент начала реформ большую долю населения составляла молодая рабочая сила, на что также накладывалась политика «одна семья – один ребенок». Согласно расчетам китайских исследователей в период с 1978 по 1995 гг. рост подушевого ВВП наполовину был обусловлен ростом капиталовооруженности, на треть институциональными переменными, на 20 % развитием знаний. С 1995 по 2001 гг. темпы роста капиталовооруженности увеличились еще на 4 %, что говорит об ускорении индустриализации, замене труда капиталом с точки зрения факторной отдачи [Ху Аньган, 2005, с. 38]. В XXI веке, как отмечалось, повысилась роль новых технологий, однако Китай по-прежнему являлся страной, осуществляющей модернизацию главным образом за счет экстенсивных факторов.

При несомненных крупных успехах китайская модель приводила и к системным противоречиям. К ним можно, в первую очередь, отнести большое неравенство (прежде всего, межрегиональное, в том числе, между городом и деревней), неразвитость социальной сферы, невысокий уровень потребления, недостаток внутреннего спроса при большой зависимости от внешних рынков и технологий, проблемы занятости, тяжелых условий труда и экологии, перенакопления капитала, а также коррупции и бюрократизма вследствие большой роли государства. Впоследствии, в 2010-е годы китайское руководство стало направлять все больше усилий по решению данных проблем, хотя многие из них по-прежнему сохраняют свою остроту.

Как показывает китайский академик Чен Эньфу, источник разрешения современных противоречий, стоящих не только перед Китаем, но и перед миром в целом, лежит в дальнейшей гармонизации плановых и рыночных начал, развитии многоукладности экономики [Чен, 2023]. Становятся особо актуальными задачи сдерживания роста неравенства вследствие во многом укрупнения цифровых гигантов, рисков неподконтрольного обществом развития искусственного интеллекта, а также направления ресурсов на нужды «реального сектора», а не пространства спекулятивных операций. В условиях капитализма сегодня возникают предпосылки торможения научно-технического прогресса вследствие интеллектуальной частной собственности. В качестве другой опасной угрозы особо выделяются возможности тотального манипулирования потребительским поведением через инструменты цифровизации. Эти аспекты довольно распространены и в отечественных академических разработках, в том числе в рамках рассматривавшихся выше составляющих теории ноономики, имеющей особо тесные пересечения с китайской экономической мыслью и так же выделяющей развилки магистральных направлений как национального, так и общецивилизационного развития, предпосылки нооперехода [Бодрунов, 2023; Бодрунов,

2026]. Тем самым, сохраняется актуальность и преемственность теоретических основ китайских реформ конца XX – начала XXI вв. с современностью.

Принимая во внимание все различия исторических условий, в заключении стоит выделить, как представляется, наиболее важные составляющие китайского модернизационного проекта, которые могут в адаптированном виде успешно заимствоваться и в наши дни. Китайское руководство задало крупные теоретические, или даже точнее метатеоретические, философские и идеологические парадигмы (будь то марксизм или конфуцианство). Вместе с тем это не привело к узким теоретическим контурам модернизационного проекта, догматизму, сковывающему выработку востребованных в определенной ситуации экономико-политических мер. Напротив, при разностороннем изучении зарубежного опыта, как теоретического, так и практического, в среде экономистов удалось сформировать гибкие практико-ориентированные подходы. При этом они легли в русло долгосрочных стратегических программ развития.

Следует подчеркнуть, что при всех проблемах и противоречиях китайской политической системы, залогом результативности реформ стали институты меритократии, ответственности чиновников, соединенные с готовностью населения встраиваться в новые государственные проекты и его трудоголизмом. При большом распространении неформальных институтов, которое, как может показаться на первый взгляд, должно подрывать устойчивость воспроизводственной системы, в Китае сложилась институциональная среда, которая при всех проблемах и негативных «побочных эффектах» выступает мощным стержнем национального развития.

Применительно к более прикладным экономико-политическим аспектам следует отметить, что базой китайской модели развития является государственное планирование, прямое участие государства в формировании цепочек стоимости, селективное регулирование. На протяжении изучаемого периода просматривались последовательность и сбалансированность отраслевой политики (сначала реформы в сельском хозяйстве, затем опережающее развитие сборочных производств в основе промышленности, наконец, разработка собственных технологий на основе прежних заимствований, интеграция производства, науки и образования), что обеспечивало устойчивость экономической динамики при масштабных структурных трансформациях. Государство поддерживало прямыми вливаниями и дешевыми кредитами производства-локомотивы развития. Даже при ускорении либерализации экономики, многоукладности форм собственности, государство сохраняло основной контроль над ключевыми отраслями, активно реализовывало инфраструктурные, строительные мегапроекты, сдерживало «непроизводительный» переток ресурсов (финансовые спекуляции, рентные доходы и пр.). Во внешнеэкономических связях нужно отметить государственную политику (от управления курсом валюты до условий допуска зарубежных ТНК в свободные экономические зоны), которая при возникновении определенных структурных и макроэкономических дисбалансов, во-первых, дала местным производителям широкий доступ к зарубежным рынкам и, во-вторых, создала механизм заимствования зарубежных технологий, поспособствовавшего последующему развитию собственной научно-производственной базы. В современных условиях усиления конкуренции на мировом рынке, роста протекционизма особо важно проводить подобную «тонкую настройку» внешнеэкономической политики.

Таким образом, китайская модернизация конца XX – начала XXI вв., несмотря на всю свою специфичность, дает богатый материал для изучения с целью практического ис-

пользования и в наши дни. Особо востребованным для стран, ориентирующихся сегодня на догоняющее и опережающее развитие, становятся реализация крупных проектов научно-технологического развития, а также укрепление интеграции производства, науки и образования. Спустя время, после разочарования в навязываемых миру неолиберальных догматах, вновь поднимаются на щит проекты по развитию стратегического планирования, затрагивающее все уровни экономической системы с направляющей ролью государства. В наше время оно выходит за рамки узких целей максимизации материального производства, и предполагает приоритетность гармоничного развития в различных сферах общественного воспроизводства, создавая основу для нооперехода.

Список источников

- Бодрунов С. Д. (2023). От «надзорного капитализма» – к ноопарадигме общественного развития. Послесловие к книге Чен Энфу «Мировая обстановка и китайская экономика в новую эпоху» // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. Т. 2. № 2. С. 104–110. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-2-104-110
- Бодрунов С. Д. (2024). Политическая экономия как научная платформа для изучения тенденций развития: взгляд через призму теории ноономики // Экономическое возрождение России. № 3. С. 5–11. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-3-81-5-11.
- Бодрунов С. Д. (2026). Ноопереход: ноономика, идеи Си Цзиньпина и искусственный интеллект как ключевые инструменты реализации ноопринципов глобального управления // Вопросы политической экономии. № 2. С. 144–159. DOI: 10.5281/zenodo.20094612.
- Борох О. Н., Ломанов А. В. (2024). Модернизация китайского типа: эволюция концепции // Мировая экономика и международные отношения. Т. 68. № 1. С. 31–47. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-1-31-47
- Буров В. Г. (2011). В Китае возрождается культ Конфуция или о духовной составляющей социализма с китайской спецификой // Азия и Африка сегодня. № 4. С. 8–14.
- Виноградов А. В. (2008). Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: НОФМО. 368 с.
- Виноградов А. В. (2010). Китайская модернизация в сравнительной перспективе // Сравнительная политика. Т. 1. № 1. С. 104–120. DOI: 10.18611/2221-3279-2010-1-1-104-120
- Гельбрас В. Г. (2009). Тридцатилетие эпохи «реформ и открытости» в Китае // Мировая экономика и международные отношения. № 6. С. 73–83. DOI: 10.20542/0131-2227-2009-6-73-83
- Кадочников Д. В. (2016). Бюджетная децентрализация и межбюджетные отношения: опыт китайских реформ и его актуальность для России // Terra Economicus. Т. 14. № 2. С. 109–126. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-2-109-126
- Кафырин Е. А. (2012). Китай: модернизация в интересах человека // Проблемы Дальнего Востока. № 4. С. 67–75.
- Колганов А. И. (2023). Сравнительное исследование современных социально-экономических моделей достижения технологической независимости // Российский экономический журнал. № 5. С. 19–35. DOI: 10.52210/0130-9757_2023_5_19.
- Круглова М. С. (2020). Поселково-волостные предприятия КНР: успех реформаторов или эволюция традиционного института? // Terra Economicus. Т. 18. № 4. С. 111–125. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-4-111-125.

- Орехов С. И., Решетнева У. Н. (2004). Философско-религиозные истоки и содержание геополитики Китая, или китайская национальная идея // Дискурс Пи. Т. 4. № 1. С. 12-15.
- Островский А. А. (2007). Китайская модель перехода к рыночной экономике. М.: Институт Дальнего Востока РАН. 208 с.
- Пивоварова Э. П. (2011). Что такое «социализм с китайской спецификой»? // Азия и Африка сегодня. № 8. С. 60-64.
- Порунов А. Н. (2006). Китай: от инвестиций – к инновациям // ЭКО. № 8. С. 72-81.
- Реформы и перспективы экономики Китая (2000). М.: Центр развития. 55 с.
- Федоровский А. Н. (2003). Институциональные преобразования в Китае: предпосылки, особенности, перспективы // Мировая экономика и международные отношения. № 4. С. 77-86. DOI:10.20542/0131-2227-2003-4-77-86
- Феокистов Ю., Цыплаков С. (2008). Об эволюции идеологических подходов китайского руководства к концепции модернизации Китая (1978 – 2008 гг.) // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 4. С. 272-293.
- Ху Аньган (2005). Чем объясняются высокие темпы развития китайской экономики? // Проблемы Дальнего Востока. № 1. С. 34-57.
- Чен Э. (2023). Мировая обстановка и китайская экономика в новую эпоху / Чен Эньфу; науч. ред. изд. на русском языке С.Д. Бодрунов. — М.: ИНИР им. С.Ю. Витте; Центркаталог. 464 с.
- Чубаров И. Г. (2024). Эволюция институтов централизованного планирования в Китае и Индии // ЭКО. № 5. С. 263-286. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-5-263-286.
- Gershenkron A. (1962). *Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press. 456 p.
- Jian X. (2025). An Analysis of the Similarities and Differences between Chinese and Western Modernization // *World Review of Political Economy*. Vol. 16. No. 1. Pp. 4-25. DOI: 10.13169/worldrevpoliecon.16.1.0004.
- Jiang G. H. (2023). Pursuing Modernisation in China. / *The Imperial Mode of China*. London: Palgrave Macmillan. Pp. 255-304. DOI: 10.1007/978-3-031-27015-4_9
- Losurdo D. (2017). Has China Turned to Capitalism? — Reflections on the Transition from Capitalism to Socialism // *International Critical Thought*. Vol. 7. No. 1. Pp. 15-31. DOI:10.1080/21598282.2017.1287585.
- Ozawa T. (1993). Foreign Direct Investment and Structural Transformation: Japan as a Recycler of Market and Industry // *Business & the Contemporary World*. Vol. 5. No. 2. Pp. 129–150.

References

- Bodrunov S. D. (2023). From Surveillance Capitalism to the Nooparadigm of Social Development. Afterword to the Book *The World Situation and the Chinese Economy in the New Era* by Cheng Enfu. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 2. No. 2. Pp. 104–110. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-2-104-110. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2024). Political Economy as a Scientific Platform for Studying Development Trends: Looking Through the Lens of the Theory of Noonomy. *Economic Revival of Russia*. No. 3. Pp. 5-11. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-3-81-5-11. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2026). Nootransition: Noonomy, Xi Jinping's Thought, and Artificial Intelligence as Key Tools for Implementing the Nooprinciples of Global Governance. *Problems of Political Economy*. No. 2. Pp. 144-159. DOI: 10.5281/zenodo.20094612. (In Russ.).

- Borokh O. N., Lomanov A. V. (2024). Chinese-Style Modernization: Evolution of the Concept. *World Economy and International Relations*. Vol. 68. No. 1. Pp. 31-47. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-1-31-47. (In Russ.).
- Burov V. G. (2011). The Cult of Confucius is Reviving in China, or the Spiritual Component of Socialism with Chinese Characteristics. *Asia and Africa Today*. No. 4. Pp. 8-14. (In Russ.).
- Cheng E. (2023). *The World Situation and the Chinese Economy in a New Era*. S. D. Bodrunov (Ed.). Moscow: S. Y. Witte INID; Tsentrkatalog. 464 p. (In Russ.).
- n. a. (2000). *China's Economic Reforms and Prospects*. Moscow: Tsentr razvitiya. 55 p. (In Russ.).
- Chubarov I. (2024). Evolution of Centralized Planning Institutions in India and China: A Comparative Analysis. *ECO*. No. 5. Pp. 263-286. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-5-263-286. (In Russ.).
- Fedorovsky A. (2003). Institutional Transformations in China: Prerequisites, Features, Prospects. *World Economy and International Relations*. No. 4. Pp. 77-86. DOI: 10.20542/0131-2227-2003-4-77-86. (In Russ.).
- Feoktistov Y., Tsyplakov S. (2008). On the Evolution of the Ideological Approaches of the Chinese Leadership to the Concept of Modernization of China (1978 – 2008). *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. No. 4. Pp. 272-293. (In Russ.).
- Gelbras V. (2009). The Thirtieth Anniversary of the Era of “Reform and Openness” in China. *World Economy and International Relations*. No. 6. Pp. 73-83. DOI: 10.20542/0131-2227-2009-6-73-83. (In Russ.).
- Gershenkron A. (1962). *Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press. 456 p.
- Hu Angang (2005). What Explains the High Rate of Development of the Chinese Economy? *Problems of the Far East*. No. 1. Pp. 34-57. (In Russ.).
- Jian X. (2025). An Analysis of the Similarities and Differences between Chinese and Western Modernization. *World Review of Political Economy*. Vol. 16. No. 1. Pp. 4-25. DOI: 10.13169/worldrev-poliecon.16.1.0004.
- Jiang G. H. (2023). Pursuing Modernisation in China. In: *The Imperial Mode of China*. London: Palgrave Macmillan. Pp. 255-304. DOI: 10.1007/978-3-031-27015-4_9.
- Kadochnikov D. (2016). Budget Decentralization and Interbudgetary Relations: China's Reform Experience and Its Implications for Russia. *Terra Economicus*. Vol. 14. No. 2. Pp. 109-126. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-2-109-126. (In Russ.).
- Kafyrin E. (2012). China: Modernization in the Interests of Human. *Problems of the Far East*. No. 4. Pp. 67-75. (In Russ.).
- Kolganov A. (2023). Comparative Study of Modern Socio-Economic Models of Achieving Technological Independence. *Russian Economic Journal*. No. 5. Pp. 19-35. DOI: 10.52210/0130-9757_2023_5_19. (In Russ.).
- Kruglova M. (2020). Township and Village Enterprises in China: Reform Success or Evolution of a Traditional Institution? *Terra Economicus*. Vol. 18. No. 4. Pp. 111-125. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-4-111-125. (In Russ.).
- Losurdo D. (2017). Has China Turned to Capitalism? — Reflections on the Transition from Capitalism to Socialism. *International Critical Thought*. Vol. 7. No. 1. Pp. 15-31. DOI:10.1080/21598282.2017.1287585.
- Orekhov S., Reshetneva U. (2004). Philosophical and Religious Origins and Content of China's Geopolitics, or the Chinese National Idea. *The Discourse of Pi*. Vol. 4. No. 1. Pp. 12-15. (In Russ.).

- Ostrovsky A. A. (2007). *The Chinese Model of Transition to a Market Economy*. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka RAN. 208 p. (In Russ.).
- Ozawa T. (1993). Foreign Direct Investment and Structural Transformation: Japan as a Recycler of Market and Industry. *Business & the Contemporary World*. Vol. 5. No. 2. Pp. 129–150.
- Pivovarova E. (2011). What is “Socialism with Chinese Characteristics”? *Asia and Africa Today*. No. 8. Pp. 60–64. (In Russ.).
- Porunov A. (2006). China: From Investment to Innovation. *ECO*. No. 8. Pp. 72–81. (In Russ.).
- Vinogradov A. (2010). Chinese Modernization in a Comparative Perspective. *Comparative Politics*. Vol. 1. No. 1. Pp. 104–120. DOI: 10.18611/2221-3279-2010-1-1-104-120. (In Russ.).
- Vinogradov A.V. (2008). *The Chinese Model of Modernization. The Search for a New Identity*. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow: NOFMO. 368 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Маслов Глеб Андреевич

Старший научный сотрудник Лаборатории сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, научный сотрудник Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат экономических наук (1999), РФ, Москва, ул. Колмогорова, 1)

E-mail: glemiach@yandex.ru

Information about the author

Gleb A. Maslov

Senior Research Fellow at Laboratory for Comparative Studies of Socio-Economic Systems, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Research Fellow at Center for Modern Marxist Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Candidate of Economic Sciences, (1 Kolmogorova ul., Moscow, 119991, Russia)

E-mail: glemiach@yandex.ru